

При заклеивании имён применялись полоски шёлковой бумаги примерно одинаковой длины, и при беглом осмотре нельзя было заметить ничего подозрительного. Однако, если чиновник-переписчик понимает, что к чему, он точно сумеет заметить отличия. Фань Сянь увидел, что на работе Ян Ваньли наклеена короткая полоска бумаги, и безо всякой причины пришёл в превосходное настроение. Он с улыбкой покачал головой и не мог не спросить:

— Пусть работа была выбрана, но как делают отметки во время копирования?

Чиновник рядом с ним чуть смущённо улыбнулся, понимая, что новоиспечённая знаменитость не слишком разбирается в правилах, и осторожно ответил:

— Молодой господин Фань, при копировании нужно всего лишь более тщательно прописать некоторые черты в иероглифах, и чиновники, которые оценивают работы, естественно, всё поймут.

Фань Сянь внезапно всё понял и с восхищением произнёс:

— Таким образом, даже проверяющие работы чиновники не знают, кто это, лишь знают, что это нужный человек.

— Да, господин, — вежливо ответил чиновник министерства церемоний, в душе испытывая недовольство этим прославленным юнцом, который даже не знал издавна принятых в чиновничьей среде правил.

Никто не представлял, что сейчас Фань Сянь мысленно ругал невежество этих людей. Если бы не непомерная наглость чиновников государства Цин, из-за которой допотопные правила со множеством лазеек смогли продержаться столько лет, он бы и сам не смог использовать эту лазейку, чтобы помочь действительно образованным людям.

Он, конечно, также понимал, что причина, по которой весь круг чиновников и богачей всегда негласно принимал этот образ действий, была в том, что при подобном положении дел что союзники, что противники уже молча согласились на такой способ дележа арбузов. Помимо совсем уж безумцев никакой чиновник, состоящий в этой системе, не отважился бы поднимать шум.

На самом деле у Восточного дворца и сановников, включая премьер-министра, были другие способы организовать это дело, но все они, не сговариваясь, выбрали такой. Во-первых, потому что посредник отвечал за заклеивание имён, а это было важное звено экзаменационного процесса. А во-вторых, всем сторонам, кроме премьер-министра Линя, нужно было узнать отношение Фань Сяня.

Отношение Фань Сяня было на самом деле очень простым: «А не пошли б вы все?» В конце концов, ни у кого не было такой вольготной жизни, как у Фань Сяня, чтобы найти время проявлять своё недовольство, и ни у кого не было такого хорошего отца и такой матери,

крутой, словно принцесса Железный веер*.

После напряжённой ночи весенний экзамен, который определит жизнь бесчисленного количества студентов, наконец-то подошёл к завершению. Все чиновники, потирая сонные глаза, собирались в главном зале, чтобы выслушать речь главного экзаменатора, министра церемоний Го Ючжи.

После совершенно неоригинальных аргументов и лжи о наборе талантов для государства Го Ючжи утомлённо махнул рукой, распуская чиновников более низкого уровня, а затем мягко посмотрел на Фань Сянь и сказал:

— Молодой господин Фань тоже усердно трудился в эти дни.

— Вы слишком добры, — Фань Сянь выдавил улыбку и сказал: — Господин, мне это не составило труда, я всё же ещё молод.

Го Ючжи улыбнулся и сказал:

— Вы все усердно поработали.

На самом деле сейчас несколько высокопоставленных чиновников хорошо понимали, что происходит на весеннем экзамене. Выгоду из своего положения извлекали не только Го Ючжи и два экзаменатора. Но даже Фань Сянь не знал, кто в последние дни уже отправил ему серебро в поместье Фань. Сумма устрасала даже сильнее, чем полугодовой доход книжной лавки «Даньбо».

После экзамена, длившегося несколько дней, весь экзаменационный двор пропитался вонью от этих грязных денег. Фань Сянь, стоя на каменных ступенях и закрывая нос рукой, взглянул напоследок на тёмный экзаменационный двор, и на лице его появилась довольная улыбка. Он пришёл в этот мир много лет назад, зная только, что хочет жить, но не зная, как именно хочет жить. И только решившись на это дело, он почувствовал, что быть в общем смысле хорошим человеком весьма неплохо.

Конечно, хороший человек не значит бесхребетный консерватор.

Чиновники трёх министерств уже собрали экзаменационные работы. Под предводительством старшего дворцового евнуха и под защитой императорской стражи и тайных сотрудников Контрольной палаты группа людей прошла под светлеющим ночным небом столицы, направляясь в Тайсюэ. В течение нескольких дней, после заклеивания имён и переписывания, вся партия экзаменационных работ будет рассмотрена, потом определят трёх лучших кандидатов, которые затем отправятся на дворцовый экзамен, где и будет вынесено решение, кто займёт первое, второе и третье места.

Фань Сянь вышел из провонявшего до небес экзаменационного двора, у входа его ждала повозка из поместья Фань. Сев в неё, он взял из рук Тэн Цзыцзина полотенце, небрежно обтёр лицо и утомлённо спросил:

— Есть ли у отца какое-нибудь мнение по поводу моих действий?

— Нет, — Тэн Цзыцзин поразминал раненую ногу и мягко ответил: — Но, кажется, старый хозяин не очень рад. Он считает, что вы должны были заранее предупредить премьер-министра. К тому же это дело имеет очень большой охват, и, если оно вызовет общественное возмущение, я боюсь, что и премьер-министру, и старому хозяину будет чрезвычайно трудно защитить вас.

Фань Сянь улыбнулся, но ничего не сказал, думая о том, что за ним стоит Контрольная палата, и, что более важно, Чэнь Пинпин попросил Ван Циняня передать, что император в этом году собирается навести порядок в управлении, и Фань Сянь просто следовал этим веяниям. Вероятно, Чэнь Пинпин сейчас напоказ ругает его за причинённые неприятности, в глубине души радуясь, что у него наконец-то есть повод действовать.

Фань Сянь только что дал Контрольной палате повод, а затем Контрольная палата изложит этот повод перед императором, чтобы тот вынес решение. Что касается наследного принца и талантливой супруги Нин, у Фань Сяня были другие планы. Ранее, во время заклеивания имён, Фань Сянь выбрал несколько талантливых людей, неважно, поддерживал их наследный или старший принц. Такую защиту можно было рассматривать как заявление другой стороне.

Фань Сянь хотел, чтобы, когда дело выйдет наружу, люди почувствовали, что он сделал это не из склонности к одной из придворных партий, а только из любви к знаниям и даже из какого-то упорствующего педантизма, которые и привели к сему возвышенному и безумному решению.

В следующие несколько дней в столице было спокойно. Теперь, когда Фань Сянь раскрыл сенсационную информацию, тайные силы Контрольной палаты начали кооперироваться. По крайней мере, до тех пор пока не был опубликован список трёх лучших, в официальных кругах не появлялось никаких пугающих новостей, и, когда наконец этот список появился, люди, которых Фань Сянь туда украдкой пропихнул, не были вычеркнуты. Было понятно, что в Тайсюэ и министерстве церемоний были тайные сотрудники Чэнь Пинпина, этого жуткого старика, которые помогли Фань Сяню остаться незамеченным.

Что касается высокопоставленных чиновников вроде Го Ючжи, то, видимо, злоупотребления при экзаменах много лет сходили им с рук, к тому же у них была такая солидная опора в виде Восточного дворца, поэтому они не уделяли очевидным проблемам должного внимания и не замечали их.

Двадцать второго числа второго месяца на деревьях по обеим сторонам дороги постепенно распустились почки, и птицы на ветвях радостно искали себе пару, охваченные волнением

наступившей весны. В гостинице в западной части столицы, недалеко от Тайсюэ, волнующиеся студенты из разных мест в ожидании новостей собрались внизу. На столах не было ни закусок, ни вина, потому что студенты сейчас и не помышляли о пище и питье, все умы занимали только новости.

— Провал, — с горькой улыбкой покачал головой студент из Шаньдуна и добавил: — Наверное, в этот раз я провалюсь.

— Брат Цзялинь, почему ты это сказал? — студент, сидевший рядом с ним с мрачноватым выражением лица, был тот самый Ян Ваньли, который переглядывался с Фань Сянем на экзамене.

Он был из Цюаньчжоу и обычно жил морем. Он был совсем не таков, как те талантливые выходцы из богатых семей, которые провели половину жизни в училищах. Было заметно, что он чувствует себя весьма свободно. Он взял палочками щепотку маринованного арахиса и положил в рот. Пережёвывая, он сказал неразборчиво:

— Брат Цзялинь прославился в Шаньдуне, блестяще написал сочинение об управлении государством. Несколько дней назад, прочитав, все хвалили его без умолку. Я же лишён таких умений, мои литературные навыки не совершенны. Я уверен, что их хватит, чтобы стать начальником уезда, но я точно не смогу попасть в список лучших.

Чэн Цзялинь из Шаньдуна сдавал экзамены уже в третий раз. Криво усмехнувшись, он сказал, понизив голос:

— Неужели мы до сих пор не понимаем? Людей набирают не так много, сколько-то из них поддерживают чиновники, сколько-то — дворец, кого-то забирает Тайсюэ. Приезжие вроде нас могут быть знаменитыми в родном городе, но чего стоит эта слава в столице? Даже если императорский двор захочет набрать нескольких талантливых людей на мелкие должности, чтобы заткнуть рты учёным Поднебесной, в столице есть множество кандидатов, из которых можно выбирать, а до нас очередь никогда не дойдёт.

Ещё один участник застолья с худым лицом выглядел отнюдь не счастливо. Может быть, он слишком много выпил, но не смог отделаться от тоски, поэтому он заговорил очень смело и с насмешкой:

— Брат Цзялинь верно сказал. Я думаю, лучше больше не сдавать этот императорский экзамен, а то вам двоим придётся слишком тратиться на дорожные расходы. Что за ерунда этот экзамен. Он нужен только для высокопоставленных чиновников, чтобы выбрать себе верных прихвостней!

Лицо Чэн Цзялиня помрачнело, и он чуть испуганно посоветовал:

— Брат Цзичан, говори потише. Если тебя услышат тайные сотрудники Контрольной палаты,

боюсь, у нас не только с карьерой, но и выживанием наших семей будут трудности.

Брат Цзичан по фамилии Хоу тоже был странным человеком, который не любил образ жизни богатых и знаменитых. Хотя у него была некоторая репутация в столице и он был столь же известен, как Хэ Цзунвэй, но из-за своего острого языка и характера он всегда был немного унылым. Услышав сейчас встревоженные слова своего друга, он невольно рассмеялся:

— Хотя Контрольная палата страшна, зачем эти шпионы будут принимать во внимание таких маленьких людей, как ты и я? Если они действительно сильны, почему не присмотрятся к случаям мошенничества на экзамене?

Ян Ваньли покачал головой:

— Хотя у Контрольной палаты всегда была очень плохая репутация, она чрезвычайно полезна, когда дело доходит до надзора за чиновниками.

Хоу Цзичан поднял палец и сказал:

— Где же среди чиновников найти порядочному человеку? Возлагать надежды на Контрольную палату — всё равно что уговорить тигра отдать свою шкуру.

Ян Ваньли возразил:

— Чиновников тоже выбирают из образованных людей, так что не могут они все быть испорченными. Я думаю... — Он не смог сразу вспомнить человека, известного своим добрым именем, среди столичных чиновников, и начал мямлить, но через некоторое время его глаза внезапно загорелись, и он сказал: — Я думаю, что господин Фань Сянь, фэнчжэн Тайсюэ — отличный чиновник.

Двое сидевших с ним друзей, естественно, знали, что Фань Сянь поймал Ян Ваньли, когда тот проносил что-то в одежде, поэтому не могли дружно не подшутить над ним:

— Оказывается, хороший чиновник — это тот, кто позволил тебе сдать экзамен. Быть хорошим чиновником действительно просто.

Трое ещё поболтали и пошутили и постепенно, опьянев, начали шёпотом бранить злоупотребления при дворе, а затем вернулись к тому, что если Контрольная палата действительно захочет расследовать дела о мошенничестве, атмосфера на экзаменах может измениться к лучшему.

В этот момент они услышали шум возле гостиницы, и все трое с любопытством поднялись, слушая, как учёный на улице вне себя от радости вопил:

— Раскрылось мошенничество на экзамене, министр церемоний Го Ючжи лишён должности и попал в тюрьму!

Бум! Весенний гром ударил в небе над столицей, и свежий весенний ливень окатил тела и души студентов.

* Персонаж “Путешествия на запад”.

<http://tl.rulate.ru/book/96718/2417503>